

РЕБЕККА ДАН

МОЙ ЧУЖКОЙ МУЖ

РЕБЕККА ДАН
МОЙ ЧУЖКОЙ МУЖ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «НАШ СЕКРЕТ»

Молли любила Алекса. Алекс любил Молли. Их отношения были идиллией, которой многие завидовали. Но случившееся той ночью разрушило все клятвы и обеты... Из-за ужасного инцидента Алекс получил травму мозга. Его улыбка, глаза, запах волос – все осталось прежним, но, всматриваясь в такое знакомое и любимое лицо, Молли не видела в нем прежнего Алекса. Его улыбка больше не согревала, глаза не излучали нежность. Он стал холодным и эгоистичным, своим поведением дав понять, что больше не любит Молли. Она не хотела верить в это, но каждый день ее сердце разрывалось на части. Как теперь им жить дальше?

Наполнено страстью и романтикой.

Sunday Mirror

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4485-6

9 786171 244856

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

REBECCA DONE

MY HUSBAND
THE
STRANGER

A NOVEL

РЕБЕККА ДАН

МОЙ ЧУЖОЙ
МУЖ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Д45

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
«Curtis Brown UK» и «The Van Lear Agency»

Переведено по изданию:
Done R. My Husband the Stranger : A Novel / Rebecca Done. —
London : Penguin Books, 2017. — 400 p.

Перевод с английского *Валерии Бондарь*

ISBN 978-617-12-4485-6
ISBN 978-1-4059-2396-5 (англ.)

© Amdersley Books Limited,
2017
© Nemirol Ltd, издание на
русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

Молли

Настоящее время

Лежа в постели, я, как обычно, ждала малейшего намека на то, что ко мне вернулся мой прежний муж. О том, что это не так, говорила пустая половина нашей кровати. Но во мне еще жила надежда. Я внушала себе, что это был страшный сон и муж вот-вот начнет успокаивать меня ласковым шепотом и поцелуями. Возможно, он внизу, жарит блинчики, как раньше, подпевая какой-то малоизвестной песне по радио, прекрасный, белокурый, со взъерошенными после сна волосами и обнаженным торсом. Он повернется ко мне и улыбнется, тут же околдовав меня. Он невероятен — достаточно увидеть его улыбку, после которой так сложно прийти в себя.

Я в себя не приходила. Именно поэтому была уверена, что прямо сейчас он готовит для меня кофе и с любовью поливает блинчики кленовым сиропом и маслом. Глубоко вдохнув, я толкнула дверь на кухню, зная — *зная наверняка*, — что все будет как раньше.

Все будет прекрасно и чуточку банально.

Этот день наступил. *Я чувствую.*

Сквозь окно в комнату ворвалось первое теплое дыхание лета. За дверью спальни я не ощутила запаха кофе и блинчиков. Не страшно. Быть может, он вышел за завтраком, в кафе, где пенный капучино украшают трафаретными звездами. Алекс обменяется любезностями с парой за соседним столиком,

отпустит пару шуток, чтобы повеселить официантку, — такой уж он человек, — а потом, лакомясь яйцами Бенедикт и кофе, мы, абсолютно счастливые, спланируем наш день.

Затаив дыхание, я сбежала по лестнице в гостиную, по пути перепрыгивая пыль и грязь. И тут я остановилась; мое сердце оборвалось, надежда угасла. Он, как всегда, сидел на диване, неподвижный и ссутулившийся, в футболке и спортивных штанах. На голове — взъерошенные, длинные, неухоженные волосы. Не помню, когда в последний раз он ходил к парикмахеру...

Он уже давно проснулся — об этом свидетельствовала липкая миска с высохшими остатками овсянки на старом ковре рядом с ним.

Он обернулся и взглянул на меня — мой прекрасный муж. Но его лицо ни на миг не оживилось, его не озаряла широкая улыбка. Это был обычный и — самое невыносимое — безразличный взгляд. Я проглотила слезы, развернулась и помчалась обратно, наверх, разочарованная в еще одном дне.

Я быстро приняла душ — обычное начало моего изнуряющего утра. Вода еле-еле текла, а душевая лейка плевалась, и во все стороны летели брызги. И все же в этот день я наконец взяла себя в руки: с вечера погладила любимую блузу в горошек и черную юбку. (То еще достижение, и все же достижение. В последнее время глажка восхищала меня не больше, чем сортировка носков и стирка штор.)

Я вкалывала на работе — в основном из-за того, что уже получила предупреждение. Непросто постоянно балансировать на грани увольнения, и я старалась решить эту проблему опрятным видом и энергичностью.

Под окном спальни послышалось рычание трактора, вскапывающего выездную дорогу из поселка, напомним, что размеренная загородная жизнь — далеко не то, о чем я мечтаю по утрам. Я торопливо высушила волосы, сделала макияж, брызнула на себя духами и надела украшения.

Готова.

В последнее время кофе я готовила сама. Нашла на кухне чистую миску из-под хлопьев на сушильной доске, взяла мюсли и открыла холодильник, чтобы достать четыре пинты¹ молока, которые купила пару дней назад. Но молока там не оказалось.

Я нахмурилась.

— Алекс?

Пауза.

— Да? — наконец послышался его монотонный голос.

— Где молоко?

Снова пауза.

— Не знаю.

— Хм, и с чем же ты ел свои хлопья?

Длинная пауза.

— С молоком, — сказал он тоном, подразумевавшим: *«Что за идиотский вопрос?»*

Я вздохнула. Игра с ним в угадайку займет больше времени, чем завтрак на работе. Я открыла шкаф, чтобы вернуть на место пустую миску. Между чашками, которые мы привезли из последнего в нашей жизни отпуска в Сиднее, стояло молоко.

Я коснулась рукой коробки — теплая.

— Прекрасно, Алекс. Молодец.

Я произнесла бы это тише, если бы знала, что он стоит прямо у меня за спиной.

— Что прекрасно? — спросил он.

В конце концов, я ведь только что произнесла его имя.

— Ничего, — ответила я, отвинчивая крышку и выливая молоко в раковину.

Ничего. Несчастные четыре пинты молока. Несчастный фунт стерлингов в лавке за углом — за пару минут я могла бы купить новую пачку. Если на миг остановиться и подумать рационально, станет ясно, что такую оплошность мог допу-

¹ Около двух литров. (*Здесь и далее — примеч. ред., если не указано иное.*)

стить кто угодно — даже я сама, если бы замоталась. Но я устала, и мне хотелось списать это на его мозг.

Я *адски* устала — это был последний день длинной недели. Я измучена, мне нужны кофе и топливо, меня нервирует моя работа.

Раздражали сущие пустяки. Его словесные перепалки с прохожими. Наша любимая шутка в нашем любимом фильме, над которой он больше не смеется. Его манера возвращать мне чашку из-под чая с лежащим в ней пакетиком. Раздражало, что мы больше не держимся за руки, потому что — мой ум не в состоянии это осмыслить — мужчина, с которым я разделила последние семь лет, считал это неприемлемым. И да, раздражала коробка прокисшего молока пятничным утром.

Поэтому мое «*ничего*» подразумевало: «*Как же меня это достало!*» Но Алекс в последнее время не воспринимал игру слов, особенно в такую рань. Когда молоко полилось в раковину, он протянул руку, пытаясь отобрать у меня коробку.

— Эй!

Это было прокисшее молоко, и я инстинктивно усилила хватку. Пару секунд мы нелепо пытались вырвать коробку друг у друга, пока его сила, как всегда, не победила. Это было предсказуемо: молоко выплеснулось в воздух. Оно стекало по моим волосам, лицу, блузе, юбке. Оно попало мне в нос и глаза. Я раскрыла рот, ощущая кислую вонь.

На миг ослепнув, я схватила бумажное полотенце и промокнула им лицо и глаза. Я была в бешенстве: очередная неизбежная схватка, очередная неизбежная головная боль. Коробка лежала у моих ног, остатки молока впитывались в подошвы моих колготок. Вонючая жидкость растекалась по бетонному полу — оголенные внутренности коттеджа постоянно напоминали о нашем неоконченном проекте мечты, — просачиваясь под холодильник и древнюю кухонную мебель, словно яд. Можно было просто набить стены гнилой макрелью — эффект был бы тот же.

— Какого черта ты это сделала?

Хотя волосы Алекса стали длинными — как у миролюбивого хиппи, — его темперамент оставался взрывным.

— Забудь, — сказала я, пытаюсь проглотить боль и отчаяние. — Я приберусь.

— Ты идиотка, Молли, — отрезал он, развернулся и ринулся в сад. — Это ты виновата.

Последняя фраза окончательно вывела меня из себя, и, хотя я *действительно* была отчасти виновата, каждое утро, открывая глаза, я представляла, что прежний Алекс вернулся. Невеселая игра, в которой я проигрывала снова и снова.

Грудь сдавил огромный ком, глаза стали влажными от отчаяния, но в голове стучало эхом: «*Не плачь, не плачь, не плачь*». Нельзя являться на работу с красными глазами, не говоря уже об остальном.

Пока Алекс бродил по саду, я проскользнула наверх, пытаясь не паниковать из-за того, что явно опаздывала.

Кислая вонь становилась невыносимой. Я нагнулась и резко стянула с себя колготки, смяла их в мокрый вонючий ком и швырнула в раковину. Сбросив остальную одежду, снова стала под душ: удручающие, едва теплые капли отчаянно пытались вымыть молоко из моих волос. Мы меняли здесь водопровод, но напор воды почему-то оставался слабым, а Алекс больше не интересовался обустройством дома. Если что-то ломалось, я просила его брата прийти мне на помощь.

Слезы так и катились по щекам. До чего же я жалкая под этим душем. Эта мысль едва не повалила меня с ног.

Я больше не могу так жить.

Когда я спустилась вниз, на часах было девять утра. Уже следовало сидеть за рабочим столом в редакции журнала и проводить телефонное интервью с человеком, которого в этом месяце выбрал главный редактор.

Алекс снова сидел перед телевизором, не отрываясь от спортивных новостей. В последнее время он не занимался

спортом — лишь смотрел, как это делают другие. А еще он не работал, по крайней мере временно — с того самого происшествия трехлетней давности.

Я стояла, не решаясь заговорить.

— Алекс, можешь убраться молоко на кухне? Пожалуйста. Я не успеваю.

Он тряхнул головой и цокнул языком, будто это была самая абсурдная просьба, которую только можно придумать.

— Почему я? Это ты разлила. Это *ты* виновата. Я не намерен убирать за тобой бардак.

Слезы настойчиво рвались наружу, но я сдерживалась изо всех сил.

— *Пожалуйста*, Алекс. Если ты не приберешься, в доме будет стоять ужасная вонь...

Волосы упали ему на глаза. Он зачесал их назад пальцами.

— Это что, шутка?

Я выдохнула.

— Конечно нет...

— Ты издеваешься надо мной?

— Я просто прошу тебя прибраться, чтобы в доме не...

— Я ничего не чувствую, *ты ведь знаешь*.

Это испытание, обвинение. Из-за травмы Алекс утратил обоняние и способность ощущать вкус — это как нескончаемый насморк. Он мог различить сладкое, кислое и острое, поэтому всегда и везде добавлял острый соус. Но мы перестали ходить в рестораны, моего мужа больше не интересовала стряпня. А ведь раньше он любил готовить, любил вкусную еду. Отчасти это составляло его личность.

Неудивительно, что теперь он так удручен.

Я глубоко и медленно вдохнула.

— Я знаю, что ты не чувствуешь. Но...

Он подорвался с дивана.

— Сама убирайся! Ты вечно так делаешь — оставляешь мне задания, а сама бежишь на свою работу! Думаешь,

я в восторге от этого, Молли? Конечно, у тебя все прекрасно, ты ведь можешь выйти из дома!

— Ты тоже можешь! Можешь, но не выходишь! Просто попробуй...

— Просто иди на работу, Молли. Зарабатывай эти чертовы деньги, чувствуй себя лучше, чем я. Ну же, иди.

Он высказался предельно ясно, поэтому я так и поступила.

На работу я опоздала на целый час. В машине давно не работал кондиционер, его ремонт был мне не по карману, а солнце пекло безжалостно. Моя спина взмокла от пота, а пробежка вверх по лестнице лишь усугубила ситуацию.

Войдя в офис «Спарк»¹ (как иронично — мне не приходилось работать в более унылом месте), я увидела его. Себастьян стоял у моего стола и над чем-то смеялся вместе с моими коллегами. Заметив меня, он умолк, а его челюсть расслабилась, словно у пса, который вот-вот нападет.

Мы прошли в зал заседаний. (Себ пока еще не мог позволить себе собственный офис, хотя и всеми силами пытался убедить нас в обратном.) Там стояла духота: окна были плотно закрыты, потому что их некому было открыть, краска на стенах давно облезла, а потертую тряпку на полу вряд ли можно было назвать ковром. В общественных туалетах порой можно увидеть больше креативности, чем в этом помещении.

— Итак, Молли, почему ты опоздала на целый час?

Я не собиралась откровенничать с Себом, с этим лживым змеем.

— Дома произошел... инцидент.

Себ облокотился на спинку стула. Его саркастическая улыбка намекала, что, если я не стану более сговорчивой, из этого разговора не получится ничего хорошего.

— А джинсы?

¹ Spark — искра; искриться (*англ.*).

Пол, наш администратор, ненавидел джинсы на подчиненных так же сильно, как любой другой работодатель ненавидит, когда подчиненные бездельничают на рабочем месте. Обычно Пол не работал по пятницам — он был из тех директоров, которые считали четырехдневные выходные чем-то само собой разумеющимся, но я ничуть не удивилась бы, если бы именно сегодня он заглянул в офис, потому что забыл солнцезащитные очки.

Как правая рука Пола, Себ следовал его правилам с рвением, граничащим с социопатией.

— Я не нашла ничего другого, — ответила я. (Просто все остальное было грязным.)

Он продолжил:

— Твое интервью было назначено на девять. Твоего звонка ждали целых три авторитетные компании.

Я кивнула.

— Знаю. Слушай, я могу им перезвонить...

Себ расхохотался, словно мультипликационный злодей.

— Да, Молли, хорошо. У них же нет никаких других дел, и они наверняка *сидят и ждут* твоего звонка.

Его насмешки напомнили мне мужа, вот только у Алекса был на то повод, а Себ — просто идиот. На секунду я представила день, когда наконец уволюсь из этой душегубки и, произнося прощальную речь, выложу все, что думаю о скверном характере Себастьяна.

— К твоему счастью, Дейв тебя подменил, — сообщил Себ. — Поэтому ты должна лишь отправиться на рабочее место, надеть наушники и позвонить в ту брюссельскую компанию. В десять тридцать.

Я писательница в журнале, который берет интервью у компаний по всему миру, а затем оборачивает его в красивую статью. Мы просто сидим за столами, звоним в компании, говорим с их руководителями (к счастью, на английском), пишем статьи и публикуем их. А потом снова пускаемся по кругу.

Да, мы работаем, как роботы. Когда Алекс получил травму, мне пришлось согласиться на первую попавшуюся должность. Я больше не могла каждый день ездить в Лондон, где до этого была копирайтером в огромном рекламном агентстве. Я любила ту работу и ту компанию — там люди носили сандалии, пили эспрессо и могли позволить себе в любой момент заняться йогой на гладких полах из орехового дерева. Там были кирпичные стены, экзотические растения в горшках — на некоторых даже росли миниатюрные фрукты, которые никто не решался попробовать, — и (только представьте себе!) автоматический кондиционер. Мы бесплатно пили латте, макиато, мокко, фильтрованную воду и лакомились закусками. А еще в нашем распоряжении были бильярдный стол, видеоигры, мини-батуты и терраса на крыше с невероятным видом на Лондон — все для разгрузки наших творческих мозгов. Вдобавок на нашем этаже работали магазины, бары и рестораны — ошеломляющее количество. То был творческий рай, над которым так часто шутят, но мне там нравилось.

Я отчаянно хотела там остаться, но больше не могла надолго оставлять Алекса. После трех месяцев отпуска «по семейным обстоятельствам», а затем шести месяцев езды туда-сюда я уволилась, хотя компания изо всех сил старалась идти мне навстречу. Я подумывала о том, чтобы работать дома, но делать это в нашем ветхом коттедже или арендовать офис было мне не по силам, к тому же мы остро нуждались в деньгах. И я согласилась на первое попавшееся предложение, лишь бы продолжить оплачивать счета. (Спасибо, Себ.) Именно поэтому теперь я работаю в «Спарке». Это промышленный участок за городом, который мы делим с агентством по продаже подержанных автомобилей и складом дисконтной мебели. Из удобств — лишь ржавый кипятильник, а чтобы мы не заскучали, от нас явно скрывали проблемы с асбестом.

— Ах да, Молли. — Видимо, Себ решил нанести финальный удар, пока я не ушла. — Считай это вторым устным

предупреждением. Следующее будет уже письменным, а после этого... — Он развел руки в стороны и самодовольно пожал плечами, будто сжульничал в покере и украл все мои фишки.

Я сглотнула, подумала об Алексе и изо всех сил постаралась безмятежно улыбнуться, хотя, скорее всего, это выглядело так, будто у меня газы.

В главном офисе нас было около двадцати человек, все мы сидели за рядами столов с наушниками на голове. Это больше походило на колл-центр (что, наверное, отчасти было правдой). Я вдохнула аромат кофе, который не успела выпить этим утром, и осознала, что он нужен мне сейчас же. Пялясь в черный экран монитора, я пыталась вспомнить, куда сохранила заметки для интервью.

Мой сосед по столу, Дейв, немного походил на нового Алекса тем, что не любил соблюдать этикет, из-за чего частенько вздорил с Себом. Видимо, это из-за того, что раньше Дейв работал в отделе новостей (пока его не сократили и не перевели на эту должность). Он постоянно искушал судьбу, являясь на работу небритым и в штанах, похожих на джинсы. Подозреваю, что, если бы он выполнял свои обязанности не так блестяще, Себ давно уже уволил бы его. Но он понимал, что Дейв — его лучший автор: в прошлом журналист и фантастический интервьюер, он писал статьи вдвое быстрее всех нас. Боже, он даже владел скорописью.

С тех пор, как я рассказала Дейву о происшествии с Алексом, он стал настоящим чудом: мог рассмешить меня, когда это казалось невозможным, заставлял поесть, когда у меня не было сил (этим утром он положил мне на стол яблоко, а сколько раз я находила пачку орешков или изюма в своем ящике или пончики в сумке — и не сосчитать). Недавно он развелся с женой — переживал, но теперь снова встречался с девушками, не стесняясь брать от жизни все. Больше всего, как ни странно, я любила утро понедельника, когда Дейв развлекал меня рассказами о своих похождениях.

— Все в порядке?

Я едва заметно кивнула.

— Спасибо, что взял на себя мои интервью.

— Ерунда. Было даже весело. Они наверняка подозревали, что я ни черта о них не знаю, но не были *уверены до конца*. — Он хлопнул себя по шее. — Вот что значит опытный журналюга.

— Да уж, с тобой никто не сравнится в скорости, — согласилась я.

— Дело в том, что я даже не старался — только и делал, что блефовал. — Он самодовольно вздохнул. — И кажется, этим утром я заслужил свои крохи.

— Разве Себ не дал тебе мои заметки?

— Ах да, дал. За три минуты до интервью. Нельзя заставлять этих начальников ждать, верно?

Я улыбнулась.

— Скажи, что твои невероятные выходные уже распланированы.

Он покачал головой.

— По моим меркам — скука.

— Получается, всего одно свидание?

— Вообще-то, на эти выходные свиданий не запланировано. Сегодня — паб, завтра — поход в кино с племянницами, в воскресенье — футбол. Идеально.

Я улыбнулась, пытаюсь не завидовать его обычным, нормальным выходным. Себ уставился на меня в попытке привлечь к себе внимание. Работа здесь напоминала бесконечную игру в лабиринт, в которой нельзя касаться стен, ведь, если утратишь бдительность хоть на секунду, тут же об этом пожалеешь.

— Я должна позвонить в Брюссель ровно через четыре минуты, — пробормотала я, запаниковав, когда монитор компьютера наконец загорелся. На чем, они говорят, специализируется компания? Непрерывное совершенствование? Органический рост?

— Где мои заметки? — промямлила я, нервно листая страницы папки.

Дейв вновь надел наушники.

— Запомни, Молли. Если сомневаешься — блефуй.

Я улыбнулась и набрала номер. Дейв был одной из причин, по которым я оставалась здесь, к тому же в том, что мы с Алексом до сих пор не оказались на улице, отчасти была его заслуга. Иногда мне казалось, что он спасает меня от срыва. Дейв не любил сентиментальностей, и я не признавалась ему в этом.

От какого именно срыва он спасал меня, я не знаю.

Дейв обедал с другом, и я в одиночестве отправилась в свой любимый парк, где можно посидеть, пялясь на зелень и приняв совершенно спокойный вид. Надо сказать, конец интервью оказался довольно интересным, и все же мне захотелось оказаться где-то далеко-далеко с прежним Алексом. Где угодно, только не здесь. Вместе.

Утром я не успела приготовить себе обед, поэтому купила самый дешевый сырный сэндвич и, набив рот, пыталась преодолеть стресс. Я чувствовала зависть каждый раз, когда мимо проходили парочки, держась за руки, болтая о совершенно обычных вещах и проживая самую обычную жизнь. Таковую же, которой когда-то жила я.

Зазвонил мой телефон — это Грэм, брат Алекса. Он был с ним в ночь происшествия, три года назад. Позже в больнице он рассказал, что случилось. Грэм по знакомству снимал шикарную квартиру в Лондоне, и Алекс гостил у него. Ночью он отправился за стаканом воды, но в темноте потерял равновесие и упал с лестницы, ударившись головой о чугунную ножку кофейного столика. Грэм подбежал к нему за пару секунд. Никогда не забуду его истерику, когда он позвонил мне той ночью, пока Алекс лежал рядом с ним без сознания, а «скорая» была в пути. Я прыгнула в машину и помчалась в больницу, а там — бледное лицо Грэма, ужасные новости, словно кровь, сочащаяся из плохо перевязанной раны. *Кома.*

Травмы, после которых жизнь уже никогда не будет прежней. Повреждение мозга.

После травмы Алекса мы с Грэмом сблизились: он стал для меня каменной стеной и всегда помогал, подозреваю, что из-за той ночи. (Конечно, никто его не винил — он сам винил себя. Из-за того, что той ночью Алекс был с ним.) Вместо Алекса, которого он знал тридцать лет, появился незнакомец. Их общие воспоминания потеряли прежние краски и всю свою значимость. Мои семь лет с Алексом казались ничтожными в сравнении с этим.

— Привет. Какие планы на вечер? У меня сегодня короткий день.

Грэм жил в Лондоне, но пытался навещать нас как можно чаще. Забавно: много лет он жил здесь, в Норфолке, а мы с Алексом — в Лондоне. Теперь все стало наоборот. Иногда он оставался у нас на ночь, иногда ехал в отель. Когда настроение у Алекса было более-менее, мы отправлялись в Лондон на выходные и оставались у Грэма. Приводило это лишь к тому, что меня снова неимоверно тянуло в столицу.

— Я забыла, что ты собирался приехать, — призналась я Грэму.

Мы с Алексом жили не так, как все, и внезапная смена планов представляла для нас огромную проблему: его самообладание напрямую зависело от стабильности и однообразности будней. Если я поздно возвращалась с работы или Грэм приезжал без предупреждения, Алексу становилось хуже. Его мозг начинал прокручивать наихудший сценарий: он не сможет есть то, что хочет, делать то, что хочет, и даже спать. Ему станет плохо, он пропустит встречу с друзьями во вторник, после чего они непременно им пренебрегут и у него не будет друзей до конца жизни. И так до бесконечности. После травмы он больше не мог находить золотую середину. Вся жизнь делилась для него на белое и черное: все было или прекрасно, или хуже некуда.

— О, — голос Грэма прозвучал разочарованно. — У тебя появились планы?

— Нет конечно, нет, — поспешила заверить я, ведь приезд Грэма в выходные был настоящим облегчением, особенно если нам удавалось преодолеть перемены в настроении Алекса. Может быть, завтра у меня будет время встретиться с Евой, выпить кофе и, возможно, даже выйти на пробежку.

Грэм рассмеялся.

— У тебя могут быть другие планы, Молли. Это ведь не преступление.

Маловероятно. Большую часть выходных я трачу на уговаривание Алекса выйти из дома и чем-нибудь заняться, поесть чего-то, помимо фастфуда (это просто и быстро, и, хотя Алекс не чувствует вкуса, его насыщает и удовлетворяет эта солёно-жирно-сладкая еда). Но когда приезжает Грэм, мы периодически ходим в паб, на прогулку или занимаем себя чем-то, кроме сиделок перед телевизором. Мужа приходится долго уговаривать, но Алексу необходимо быть в обществе, чтобы выздороветь. Нужно, чтобы он делал все то же, что и раньше. (На словах это гораздо проще, чем на деле: он стал безумно неуверенным в себе. И все же, когда нам удается выбраться куда-то, Алекс неплохо ладит с окружающими.) Присутствие Грэма спасает меня от двухдневного выслушивания жалоб Алекса: как он устал переключать каналы, убираться дома и в отчаянии паять на всю недоделанную работу в этом доме. Боже, он не понимает, что устает не только он.

— Так что, мне приезжать? — настойчиво спросил Грэм. — Я всегда могу переночевать в отеле.

— Нет, ты что! Останешься у нас. Я просто предупрежу Алекса.

— Отлично. Тогда до скорого.

— А вообще, я, наверно, зайду к Еве после работы.

Обычно я сразу же еду к Алексу — он целыми днями сидит дома в полном одиночестве и сходит с ума от тоски. Но если

сегодня приедет Грэм, я могу воспользоваться возможностью хоть немного побыть в обществе и беззаботно провести время.

— Отлично. Тогда увидимся, когда вернешься.

— Ах да, Грэм... Мы поссорились сегодня утром.

— Вы с Алексом?

Я вздохнула и кивнула.

— Я попросила его убраться, но...

— Даже не буду спрашивать, что было дальше. Не переживай, я разберусь. — Я представила сочувствующую улыбку Грэма на другом конце линии. — Предоставь это мне. Сходи развейся, отдохни.

— Спасибо, Грэм. Ты мой спаситель.

Молли

Настоящее время

Дом Евы, как всегда, был полон детей. Своих у нее было двое — одиннадцатилетняя дочь и девятилетний сын, — но она вечно поила чаем толпы их друзей. Ева всегда радовалась гостям — просто замечательно, ведь это касалось и меня. Это моя лучшая подруга в Норфолке — когда мы встречаемся, то болтаем без умолку. Она знает Грэма и Алекса с начальной школы и живет в этом поселке всю жизнь, за это время переехав из родительского гнезда лишь на три дома вверх по улице, вместе с Томом. Ева — самый ответственный человек из всех, кого я знаю, поэтому ей можно доверить что угодно. К тому же, зная Алекса задолго до травмы и видя, как он изменился, она понимала, что мне пришлось пережить.

Ева сидела на огромной кухне в заднем крыле своей викторианской виллы — прекрасный уголок. Благодаря огромной плите в доме всегда было тепло, а два удобных кресла, повернутых к высоченному стеклянному окну, выходили в безупречный

английский сад. На диванах теснились детишки, увлеченные видеоигрой.

Ева созерцала все это умиротворенно: в ее руке была чашка чая, а из духовки доносился аромат запекающейся лазаньи. Рукава ее рубашки были подвернуты к локтям, волосы слегка завились, а щеки украшал румянец. Она выглядела уставшей, но безумно счастливой.

Я вздохнула. Наконец-то можно расслабиться. Ева обо всем позаботится как минимум пару следующих часов. Как же приятно, когда о тебе заботятся!

— Как работа? — спросила Ева, видя, что я улыбаюсь, и, вероятно, ожидая ответа вроде «*нормально*». Но улыбалась я потому, что обожаю детей. Их счастье заразительно.

Я покачала головой.

— Ужас. Я получила второе устное предупреждение.

Ева изменилась в лице.

— За что?

— Опоздала. Мы с Алексом повздорили.

— Почему? — Она села рядом, вручила мне чашку чая и взяла меня за свободную руку.

Я благодарно сделала глоток, закрыв глаза. Если бы можно было остаться здесь, попивая чай с Евой и слушая детский гам...

— Молл?

Я открыла глаза.

— Хочешь верь, хочешь нет. Из-за разлитого молока.

Именно таким был Алекс в последнее время: обыденные вещи, которые раньше остались бы незамеченными (максимум — подмечены, а затем забыты), слишком часто превращались в нечто совершенно неадекватное. Мы оба вели рутинную, но изнурительную жизнь, постоянно борясь с этим испытанием, и некоторые дни были похожи на лезвие ножа. Периодических скандалов из-за мелочей невозможно было избежать.

Поначалу меня шокировала его раздражительность. Наверно, мы все ошибались, наивно полагая, что причина его

злости — больница и реанимация, что дома все встанет на свои места. Да, мы ошибались. На самом деле дома все даже усугубилось: в родных стенах он чувствовал себя совершенно иначе.

— Он не поставил его в холодильник, потом, очевидно, не заметил, что оно испортилось, а потом... Боже, забудь. Мне самой себя тошно слушать.

— А мне — *нет*, — ободряюще произнесла Ева, сжимая мою руку.

— Он не виноват, — вздохнула я. — Он устал, потому что вчера ходил на улицу. Ты ведь знаешь, каким он становится, когда устает.

— Ага, — кивнула Ева, потому что точно знала: уставший Алекс не может ничего делать, быстро раздражается и совершает ошибки, о которых потом жалеет.

Так проходят дни — он попросту забывает остановиться. И начинается самобичевание. Возможно, если бы Алекс изначально был другим — менее дружелюбным и искренним, не таким *романтичным*, — тогда я ощутила бы изменения в его характере не столь остро. Раньше он обожал дарить цветы, шоколадки, любил держаться за руки и устраивать романтические ужины. Теперь он больше напоминал моего первого парня из университета — отстраненный, с аллергией на электронных помощников, склонный долго обижаться и раздражаться. Он стал мужчиной, к которому я слишком привыкла — в ущерб себе.

Как тяжело осознать, что мое будущее — это лишь слегка видоизмененная версия моего прошлого. Ева убеждала, что это не так, но она ведь не знакома с моим бывшим — ей не понять, что моему новому мужу свойственны такие же депрессивные черты характера.

Она пытается понять — наверно, это удастся ей лучше, чем кому-либо, — но не знает, каково это, когда Алекс смотрит сквозь меня, будто не понимая, кто я и что мне нужно. Больше нет той искры в его зеленых глазах, нет неопикуемой

связи между нами. Она покинула наш дом и не собирается возвращаться.

— Так где сейчас Алекс? Почему ты не хочешь остаться на ужин? Можешь позвать и его, еды хватит на всех. Я много вкусностей наготовила.

Я улыбнулась.

— Алекс и дом, полный кричащих детей?

Ева засмеялась.

— Прости. Я забыла.

— Мы не кричим, Молли! — громко хихикнула Айла, пробегая мимо нас и хватая печенье со стола.

— Эй, я ведь не разрешала, — тут же отреагировала Ева. — Обед будет готов через десять минут.

— Мама, я *умираю* с голоду!

— Именно поэтому обед почти готов, — твердо ответила Ева.

— А где Алекс? — спросила Айла. Она скользила по полу на подошвах своих колготок в направлении друзей, решив не спорить с Евой и дожидаться обеда.

Мое сердце екнуло: в голосе Айлы слышалась тревога, ведь если Алекс придет, то непременно испортит ей вечер.

Раньше Алекс прекрасно ладил с детьми, Айла и Джордж обожали его. Он разговаривал с ними, играл, и они визжали от восторга. Дети висели на нем все время, пока мы гостили у Евы. После травмы Алекса Ева объяснила дочери и сыну, что он никогда не будет прежним. Она даже купила им книгу с картинками, чтобы они лучше понимали происходящее. Однажды Айла спросила меня: «Почему Алекс больше меня не любит?» — и я не нашла, что ответить. Мне лишь хотелось сказать, что порой я задаюсь тем же вопросом.

— Он дома с Грэмом, — с улыбкой ответила я.

Уже с дивана Айла довольно улыбнулась мне в ответ. Эта девочка не умела скрывать свои чувства, почти как Алекс, которого она теперь боялась. Я проглотила комок в горле.

— Она не хотела... — мягко начала объяснять Ева, когда Айла переключилась на видеоигру.

— Знаю, — быстро ответила я. — Все хорошо.

Видимо, Ева решила сменить тему и, вздохнув, спросила:

— Так что, значит, это второе устное предупреждение?

Она встала, направилась к духовке и поместила туда чесночный багет.

— Это значит, что мне осталось совсем недолго. — Я покачала головой. — Мне нужна эта работа, Ева. Я не могу ее потерять.

Эта мысль ужасала меня больше всего. В обозримом будущем Алекс вряд ли сможет устроиться на работу, и, если я потеряю свою — особенно если меня уволят, — мы лишимся главного источника доходов.

— Тебе стоит поискать что-то еще, Молл, — осторожно предложила Ева.

— С письменным выговором и отвратительной рекомендацией? — спросила я, обреченно вздыхая. — Я в ловушке.

— Нужно просто найти понимающего работодателя...

— Работодателям не нужны люди с балластом, Ева. Ты ведь сама понимаешь.

— Любой вариант будет лучше работы на Себа, так ведь? Я пожала плечами.

— Каким бы ужасным ни был Себ, он, по крайней мере, знает о моей ситуации — что каждый вечер я должна уходить не позже пяти, что вечно думаю не о работе...

— Почему бы тебе снова не заняться фрилансом? Так ты как минимум могла бы распоряжаться своим временем.

— И целыми днями торчать дома наедине с Алексом.

Я скорчила мученическую гримасу. Это не выход — мы оба начнем лезть на стену.

Ева умолкла, и на мгновение наши взгляды встретились. Мы обе знали, что головоломка Молли и Алекса не из простых.

Слова благодарности

Я хотела бы поблагодарить своего прекрасного агента Ребекку Ричи за помощь, поддержку и содействие. Спасибо моему редактору Еве Холл за бесконечный энтузиазм и творческий вклад. Спасибо Кимберли Аткинс за то, что верила в меня и эту историю с самого начала. Огромное спасибо Карен Уитлок, Софи Эллетсон, всей команде Майкла Джозефа и всем из «Кертис Браун».

Я в долгу перед людьми и организациями, которые любезно поделились со мной своим профессиональным и личным опытом во время написания этой книги. Я буду благодарна вам до конца жизни, спасибо за ваши советы, откровенность и щедрость. Назову в произвольном порядке: Дадли Гарнер, Линда Аттертон, Деб Трупс из группы поддержки, Джошуа Трупс и Шарлота Фокс из отделения трудовой терапии в Норфолке. Спасибо благотворительной организации «Хэдвей» за то, что она послужила огромным информационным ресурсом для меня. Особо хочу поблагодарить Кэти Буллок и клиентов «Хэдвей Кембриджшира» за откровенность и радушие. Любые ошибки, упущения или неточности в отношении медицинской и смежной информации являются моими собственными.

И наконец, спасибо моей семье, друзьям и Марку за вечную любовь и поддержку.

Літературно-художнє видання

ДАН Ребекка
Мій чужий чоловік

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *М. Л. Лола*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. І. Чайка*

Підписано до друку 03.01.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДАН Ребекка
Мой чужой муж

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *М. Л. Лола*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. И. Чайка*

Подписано в печать 03.01.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Моллі кохала Алекса. Алекс кохав Моллі. Їхні стосунки були ідилією, якій багато хто заздрив. Але те, що трапилось тієї ночі, зруйнувало всі клятви та обітниці... Внаслідок жакхливого інциденту Алекс отримав травму мозку. Його усмішка, очі, запах волосся — усе залишилося таке, як було, але, вдвляючись в таке знайоме і люблене обличчя, Моллі не бачила в ньому колишнього Алекса. Його усмішка більше не зігрівала, очі не випромінювали ніжність. Він став холодним та егоїстичним, своєю поведінкою демонстрував, що більше не любить Моллі. Вона не хотіла вірити в це, але кожен день її серце краялося. Як тепер їм жити далі?

Дан Р.

Д45 Мой чужой муж : роман / Ребекка Дан ; пер. с англ. В. Бондарь. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4485-6

ISBN 978-1-4059-2396-5 (англ.)

Молли любила Алекса. Алекс любил Молли. Их отношения были идиллией, которой многие завидовали. Но случившееся той ночью разрушило все клятвы и обеты... Из-за ужасного инцидента Алекс получил травму мозга. Его улыбка, глаза, запах волос — все осталось прежним, но, всматриваясь в такое знакомое и любимое лицо, Молли не видела в нем прежнего Алекса. Его улыбка больше не согревала, глаза не излучали нежность. Он стал холодным и эгоистичным, своим поведением дав понять, что больше не любит Молли. Она не хотела верить в это, но каждый день ее сердце разрывалось на части. Как теперь им жить дальше?

УДК 821.111

РЕБЕККА ДАН

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Он — школьный учитель. Она — его ученица. Их связь оказалась сильнее предрассудков, логики и закона. Они решились бежать от всех только для того, чтобы сохранить свою любовь. Но судьба разлучила их на долгие семнадцать лет. И вот Тодд и Дарси встретились снова. Почти забытые чувства готовы вспыхнуть с новой силой, но... У нее своя жизнь. У него любимая жена и дочь. У каждого свои секреты. Расстанутся ли они со всем этим за глоток страсти?..